

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Когнитивный подход
к определению жанру

Цель: ознакомиться с исследованиями постструктуралистами жанра произведения и примером когнитивного анализа жанровой природы пьесы Шекспира «Отелло».

Ключевые слова: постструктурализм, когнитивный анализ, жанр, реклассификация, трагедия, дискурс.

Мы продолжаем знакомиться с эссе Ф. Элизабет Харт «Воплощенная литература»: когнитивно-постструктуралистский подход к жанру», и в данной лекции речь пойдет о когнитивном подходе к определению жанровой природы произведения и анализе пьесы «Отелло» через призму того, что автор называет «когнитивным постструктурализмом».

Ограниченность постструктурализма

Элизабет Харт выходит за рамки дискурсивной модели постструктурализма, чтобы с совершенно другой точки зрения рассмотреть акцент, который эта модель делает на дискурсе как средстве, позволяющем определить жанр произведения. Элизабет Харт считает, что такой сдвиг оправдан из-за оскудевшего объема термина «дискурс» в постструктуралистской традиции. Она использует этот термин как синонимичный термину «практика», а иногда и «история». Хотя возможности дискурса, обозначенные Мишелем Фуко, придали импульс развитию литературных исследований, многие считают, что мы приобрели эту новаторскую модель ценой потери чего-то важного. Это что-то понимается как средство, позволившее разработать либерально-гуманистические модели языка, но теперь потерянное в стратегически уклончивой постструктуралистской риторике. В своей попытке осуществить заменить эссенциалистские модели на модель процесса, которая придает образность конструктивности, М. Фуко, отрицая «мышление, знание, речь субъекта», отрицает и средства – феноменальный аппарат – для человеческого знания.

В буквальном смысле такие заявления, как представляется, отрицают эффективность и, возможно, даже наличие человеческих умов, которые позволяют рассуждать и воображать. Они также сглаживают, хотя и неявно, тот факт, что в поле семантических категорий должна присутствовать концептуальная составляющая, которая формирует дискурс и придает ему общепризнанную систематичность идеологии.

На практике постструктуралистские теоретики обычно говорят о «категориях» как имеющих немалое значение в определении дискурса и идеологии. Однако немногие из них, судя по опыту Э. Харт, смогли продемонстрировать большую осведомленность в том, что структура и формирование семантических категорий и систем категорий представляют собой вполне обоснованные проблемы научных исследований. В результате, постструктурализму как интеллектуальной системе никогда не приходилось сталкиваться с феноменологическими последствиями того, что действительно должно являться мышлением, знанием и речью.

Когнитивный аспект

Элизабет Харт предлагает использовать когнитивный аспект в постструктуралистском сценарии для разрешения этого противоречия, а также открыть дискуссию в области исследования семантической категории, философские основы которой поразительно совместимы с постструктурализмом.

В своих размышлениях о переплетении материалистической онтологии Дарвина и материалистической эпистемологии Дерриды Э. Харт утверждает, что когнитивный подход позволяет нам обойти предполагаемые опасности онтологии. Использование этого подхода создает возможность интегрировать воплощенный ум в «общность» Фуко таким образом, что, говоря о «категориях», мы сможем признать, что человеческий разум играет ключевую роль в построении этого самого дискурса. Когнитивная перспектива, о которой говорит Э. Харт, следует из растущей волны междисциплинарных исследований, выполняемых лингвистами,

философами, антропологами и учеными-когнитивистами разных специальностей, от неврологии до когнитивной и эволюционной психологии. Эти исследования включают в себя то, что было названо «вторым поколением» когнитивной науки, представляя собой решительный отход от управляемых правилами, компьютерно-ориентированных и формально бестелесных подходов к разуму, которые характеризовали более ранние этапы когнитивной науки. Результатом этого отхода стал сдвиг в понимании разума и реализма от бестелесного и трансцендентного к воплощенному и возникающему из накопленного опыта взаимодействия ума и тела. Этот сдвиг в концепции разума и реализма обусловил появление новых подходов ко всему спектру вопросов когнитивно-научного исследования: от структуры мозга до умственной визуализации, категоризации, обработки языка, понимания дискурса и многих связанных функций, которые касаются не только когнитивной науки, но и целого ряда других заинтересованных дисциплин, включая литературоведение.

В рамках когнитивных исследований второго поколения ученых появилось несколько новых акцентов в лингвистике. В частности, когнитивная лингвистика предлагает теорию семантических категорий, что делает ее особенно актуальной для проблем теории жанра. Когнитивная лингвистика доказывает, что она оказывается стабильно совместимой с некоторыми из наиболее важных норм постструктурализма. Их сходство может показаться чересчур общим, на первый взгляд; однако оно оказывается фундаментальным для обеих программ. Так, обе посвящены определению пострационалистической и неореалистической эпистемологии. Обе отдают предпочтение метафоре как основному каналу информации. Обе требуют открытости в знаниях и языковых системах, которые они представляют, и от этой открытости декларируют нормативный статус изменения. Наконец, как и постструктурализм, когнитивная лингвистика отвергает идеализм, присущий представлениям и пониманию эссенциалистской теории, и предлагает критерий смысловой последовательности или функционального понимания для замены понятий объективных соответствий.

Когнитивно-лингвистическая теория

В когнитивно-лингвистической теории семантические категории считаются результатом взаимодействия между, с одной стороны, сенсорной и кинестетической информацией, воспринимаемой человеческим телом, а с другой – ментальными представлениями, построенными из этого телесного опыта, минималистскими представлениями, которые лингвисты называют «схемами изображений». Категории появляются в направлении сверху-вниз из проекции схем изображений из структурированных в неструктурированные области опыта, так что самая основная эмпирическая информация, вносимая нашими телами, становится основой для наших более абстрактных конструкций знаний и опыта. Знание и значение в этом смысле полностью зависят от физических и социальных взаимодействий тела (т. е. его материальности) и структурных повторений этих взаимодействий внутри мозга. Идея разума, заключающаяся в том, что эти редупликации инкапсулируются, принимает простые конфигурации таких сенсомоторных эпизодов, как сдерживание, столкновение, освобождение, движение, притяжение, принуждение и др. Затем эти конфигурации проектируются посредством концептуальной метафоры в дополнительные области опыта для создания новых категорий, укрепления старых или радикальной реструктуризации уже существующих категорий.

Э. Харт приводит пример использования схемы контейнера, который будет фигурировать в ее анализе «Отелло». Марк Джонсон описывает сдерживание как «одну из самых распространенных особенностей нашего телесного опыта». Наши тела сами представляют собой трехмерные контейнеры, «в которые мы помещаем определенные вещи (пищу, воду, воздух) и из которых выходят другие вещи (пищевые и водные отходы, воздух, кровь и т. д.). С самого начала мы испытываем постоянную физическую ограниченность в нашем окружении. Мы перемещаемся «в» и «из» комнат, одежды, транспортных средств и многочисленных видов ограниченных пространств. Мы манипулируем объектами, помещая их в контейнеры (чашки, коробки, банки, сумки и т. д.)». Благодаря этому опыту пространственной ограниченности мы разрабатываем выводы изменяемой ориентации («в» и «из»). Основные контуры схемы

контейнера могут напоминать круг с периметром для обозначения условия ограниченности. Результатами этой простой структуры являются все важные понятия для «ввода» и «вывода». При проецировании на наш опыт, сдерживание воспроизводит себя последовательно таким образом, что мы представляем себя «в» абстрактных ситуациях, таких как деловые сделки или новые отношения, так же легко, как мы более конкретно ссылаемся на предмет, находящийся «в» коробке. Центрально-периферийная структура схемы контейнеров систематически проецируется на обширные области опыта, распространяясь даже на наши самые эзотерические переживания.

Когнитивно-лингвистическая семантика дискурса

Элизабет Харт задается вопросом: что именно получит постструктурализм при условии допущения когнитивно-лингвистической семантики в его понимание дискурса? Во-первых, он получит более широкий теоретический охват, необходимый для его формулировок дискурса и представлений. С другой стороны, он получит возможность апробации собственных принципов в междисциплинарных исследованиях, совместимости между различными областями знаний, обеспечивающую значительную и достоверную конвергенцию эпистемологий. Но самое главное – это признание роли материалистической онтологии, которая приобрела бы более широкую сферу, в пределах которой можно было бы идентифицировать материальные ограничения в отношении дискурса, текстов и, в конечном счете, субъективности.

Последний пункт, поиск материальных ограничений, далеко непросто, поскольку он представляет одну из главных проблем всех современных исторических школ литературоведения. Однако, допуская такую семантику в свое поле зрения, постструктурализм также должен был бы признать идею о том, что, по крайней мере, некоторые материальные ограничения в отношении дискурса, текстов и субъективности вытекают из феноменологически «реальных» эффектов воплощения разума. То есть, он должен был бы признать способ, с помощью которого коалиционные конструкции человеческого мозга и ума копируются в представлениях, дискурсе и идеологии. А также признать, что модели нашего опыта передаются литературным текстам и структурам литературных текстов, которые мы называем жанрами.

Словом, теоретики постструктурализма, рассматривающие жанр, должны были бы признать, что литературные жанры, которые, как они говорят, опосредованы дискурсом, на самом деле раскрываются в основном не через дискурс, а через то, что конструирует дискурс и является истинным посредником литературной системы. И этот посредник – воплощенный человеческий опыт.

Когнитивный подход к анализу текста

Чтобы проиллюстрировать то, как разум формирует дискурс и служит средой, через которую проявляется жанр, Э. Харт рассматривает три вещи. Это семантика, лежащая в основе одного из многочисленных дискурсов, которые пронизывают пьесу «Отелло», это сам дискурс и, наконец, идеология расы.

Обсуждая эту пьесу, материалисты культуры и представители «нового историзма» связаны исторической методологией, что позволяет очертить отдаленный фон слова «мавр», которое часто используется в «Отелло» для обозначения главного героя, и поместить его в социальные иерархии Венеции эпохи Возрождения. Энтони Бартелими, который осуществил одно из самых обширных исследований, указывает, во-первых, на этимологию слова «мавр» в греческом и латинском языках для обозначения «чернокожего», во-вторых, на его объединение с названным по-испански регионом Мавританией, (вернее название Северной Африки), и, в-третьих, на его изменяющееся использование между древними и ранними современными периодами, в которых его значение и сузилось до обозначения черных африканцев, и расширилось до описания как «черных», так и «не-черных» фигур всех «других» в англо-христианском изображении белых.

Чернота, согласно древнему тропу, выступала метафорой зла, а «черные» люди, в трактовке христианской традиции, были обозначены цветом кожи за свою греховность, которая требовала установления генеалогической связи между африканскими чернокожими и Хамом, грешным сыном Ноя. Поскольку греховность Хама приобрела сексуальную форму, чернокожие и мавры в целом представляли собой стереотип похотливости. Их предполагаемая чрезмерная страстность, в сочетании с впечатлениями, которые некоторые англичане получили от фактического контакта с коренными африканцами в их племенной среде, привели к обвинению в недочеловечности и, следовательно, к тому, что мавру стали приписывать статус зверя. То, что «черные» люди связаны непосредственно с Дьяволом, считалось правдой еще задолго до установления действительных контактов между странами. Упоминание о чернокожем дьяволе сохранилось в цикле средневековых пьес, тексты которых показывают, что злые персонажи, демоны носили темные костюмы и исполняли роли, загримированные в черный цвет.

Критики поражены верностью шекспировского «Отелло» этим стереотипам, и даже настаивают на том, что Шекспир намеренно инвертирует расовые метафоры, приписывая зло белому человеку, Яго. Расистские эпитеты Яго и Родриго убедительно смягчены благодаря достоинствам Отелло, лояльности Кассио и уважением, которое венецианские сенаторы оказывают Отелло. Но после того, как все убедились, что Отелло неуклонно следует зверскому, сексуальному и, наконец, демоническому стереотипу Мавра, природу которого он сначала, казалось, преодолел, исследователи склонны слышать грубое осуждение со стороны Эмилии после убийства Дездемоны, высказанное в финале пьесы в виде утверждения о расовой совести: «О, тем больше ангел она, тем больше черный дьявол ты». Воган описывает, как эта семантика расы составляет пьесу: «Дискурс расовой разницы неизбежно встроен в пьесу так же, как и в культуру Шекспира, и в нашу собственную культуру. Чтобы быть абсолютно свободным от расизма, нужно было бы изобрести новый язык без грубых слов, без цветовых различий и каких бы то ни было ассоциаций черноты со злом, белизны с добром».

Когнитивно-постструктуралистское прочтение расовой и расистской семантики «Отелло» могло бы связать эти напряжённые моменты по следующим направлениям. Этноцентризм функционирует схематически, обращаясь к схеме сдерживания, которая, как мы помним, характеризуется наличием структуры «центр/периферия». Позиция «я» или «мы» занимает центр или внутренность контейнера, тогда как позиция «вы», «их» или «другой» проецируется на или даже за пределы пограничных областей, которые определяют периферию контейнера. Учитывая совершенно различную этимологию слова «мавр», очевидно, что точный диапазон схем пространственных отношений, составляющих «другие» на периферии этого контейнера или вне его, не имеет особого значения для поддержания целостности контейнера. Другими словами, отношения между «другими» являются случайными, потому что схема контейнера выделяет для определения структуру именно внутренней части. Это, по крайней мере, то, как «мавр» может охватывать все личности черно-белых африканцев, мусульман, азиатов, турок и т. д. без разбора, в то время как белая англо-христианская сущность интерьера контейнера никогда не теряет своего фокуса. Критики согласны с тем, что риторическое превращение Отелло в конце пьесы из христианского венецианца африканского происхождения в «тюбанского турка» представляет собой размывание его характера в сторону этих плохо различимых аморфных «других». К этому времени становится очевидным, что этот «другой» скрывался повсюду под поверхностными изображениями пьесы, которая только «притворялась», что она о достойном, полностью человеческом «черном» человеке.

Конечно, этноцентризм по-прежнему с нами. Но точная семантическая составляющая этой пограничной борьбы постоянно смешивается с историей и с новым человеческим опытом, и особая семантика ренессансного этноцентризма Шекспира также неизбежно меняется. Структура «центр/периферия» нынешних этноцентрических схем просто больше не соответствует внутренней логике расы в «Отелло», и этот факт неизбежно влияет на сегодняшние критические оценки его жанра.

Аналитические заметки Бристоля, Браун и Спольски подразумевают, что, даже если «Отелло» первоначально был задуман и воплощен как трагедия, сегодня это отнюдь не трагедия для большинства зрителей и читателей, которые, в силу своего опыта и знаний, имеют вполне достоверное представление о социальном и культурном смешении «черных» и «белых»,

изменении реальных и идеологических границ идентичности, а также о современных различных дискурсах о расе и идентичности, которые не были доступны в начале XVII века.

Это не означает, отмечает Э. Харт, что никто из живущих ныне не может снова воспринимать «Отелло» как трагедию. Некоторые так и воспринимают, а некоторые продолжают писать критические заметки об элементах трагедии, которые они обнаружили в пьесе. Тем не менее, признаки активной рекатегоризации «Отелло» продолжают и будут продолжаться, так как переходящие переживания, определяющие воплощение человеческого разума, порождают новые семантические категории, появление которых мы не можем избежать в наших попытках поместить пьесу в литературную систему.

Дестабилизация жанра

Жанр, определяемый смещающейся семантикой человеческих когнитивных систем, радикально дестабилизирован. Но эта дестабилизация вряд ли случайна или произвольна. В конце концов, она происходит от воплощения разума и, таким образом, находит свои дополнения и пределы в человеческом опыте.

Это постструктурализм, который в поиске максимально широкого пространства для материализма ликвидировал строгие разделения, отделяющие эпистемологию, онтологию и феноменологию друг от друга, обнаружив, что различные модальности материальности могут дополняться другими, не вступая с ними в противоречие.

Субъект когнитивного постструктурализма представляет собой смесь онтологических, феноменологических и эпистемологических характеристик. Первая, онтологическая характеристика, дает субъекту меру стабильности, но никогда в идеалистическом, эссенциалистском или абсолютном смысле. Последняя, эпистемологическая, придает субъекту гибкость, но его адаптивность никогда не бывает случайной, немотивированной и всегда имеет отношение к феноменологическому опыту.

Таким образом, реклассификация жанра является неудивительным следствием подобной когнитивно-постструктуралистской субъективности, рекурсивно воспроизводящей произвольные пределы познания.

Эти условия всегда будут означать, что жанр является произвольным, непредсказуемым явлением, индексированным когнитивным и идеологическим аппаратами, которые вместе определяют форму литературной истории.

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем, по мнению Элизабет Харт, заключается ограниченность постструктуралистского подхода в интерпретации текста?
2. Какие аспекты текста позволяет рассмотреть когнитивный подход?

Литература:

1. Foucault Michel. The Archaeology of Knowledge. Trans. – New York: Pantheon, 1972.
2. Johnson Mark. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
3. Barthelemy Anthony Gerard. Black Face, Maligned Race: The Representation of Blacks in English Drama from Shakespeare to Southerne. – Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1987.
4. Vaughan Virginia Mason. Othello: A Contextual History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
5. Bristol Michael. Charivari and the Comedy of Abjection in Othello. – Renaissance Drama. – 1990. – 21. – P. 3-22.

Книга: Теория литературы: Антология, том IV

Лекция: 3. Когнитивный подход к определению жанру

6. Brown Pamela. Othello and Italophobia.// Shakespeare and Intertextuality: The Transition of Cultures Between Italy and England in the Early Modern Period. – Rome: Bulzoni Editore, 2000.

7. Spolsky Ellen. Gaps in Nature: Literary Interpretation and the Modular Mind. Albany: SUNY Press, 1993.